

Комиссия по социальным
и культурным проблемам
глобализации

Научный совет «История
мировой культуры» при
Президиуме Российской
Академии Наук

ИНТЕЛРОС. Выпуск №5 (80) сентябрь-октябрь 2016
Бюллетень Комиссии по социальным и культурным
проблемам глобализации

Александр Неклесса
Созидание будущего

ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия

www.intelros.ru

МОСКВА 2016

Российская Академия Наук

Научный совет РАН «История мировой культуры»

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации

119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, к.724, тел./факс (495) 995-14-52, e-mail: intelros@intelros.org

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации.
ИНТЕЛРОС. Вып. №5 (80) сентябрь-октябрь 2016

УДК [316.4:316.325](066) ББК 60.521.2я54+60.524я54 Н47

Александр Неклесса. Созидание будущего // Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. ИНТЕЛРОС. Вып. №5 (80) сентябрь-октябрь. / Отв. ред. Д.А. Андреев. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия, 2016. – 24 с.

Расширенная версия выступления на рабочем совещании 29.09.2016. Сокращенные версии доклада опубликованы в «Независимой газете» 05.10.2016, 18.10.2016 и журнале «Стратегия России» №12, 2016.

Научное издание

Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН (журнал «ИНТЕЛРОС» ПИ №77-18303) издаются в печатном и электронном виде в рамках программы «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (реализуемой при поддержке группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия» и клуба «Красная площадь») для ознакомления членов Комиссии, а также Отделений общественных наук и глобальных проблем и международных отношений РАН (по списку). Издание носит некоммерческий характер. Журнал распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License, позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материалы на любом носителе при условии, что оригинальная работа процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена ссылка на данную публикацию, а также информация об авторском праве и лицензии.

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации учреждена в октябре 2002 года (постановление Президиума РАН №285 от 8.10.2002).

Серия «Д» – статьи и доклады руководителя Комиссии.

© текст: Александр Неклесса, 2016

© оформление: ИНТЕЛРОС, 2016

© фотография на обложке: Елизавета Неклесса, 2014

ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия
МОСКВА 2016

СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО

Стоит только попристальнее взглядеться в настоящее,
будущее вдруг выступит само собою.

Николай Гоголь

Проблематика, которой я по преимуществу занимаюсь это будущее в широком смысле. Но мыслить будущее не значит пассивно представлять более-менее отдаленные по времени картины жизни, приходится, скорее, размышлять о сложной партитуре перемен, различая кротовые норы истории и отмечая ее особые созвучия. Активное представление будущего – своего рода извилистая дорожная карта опознания проблем и решения криптографических задач, возникающих при прохождении исторических развилок. Иначе говоря, занимающийся прогнозированием «футуролог» – это человек, который пристально вглядывается в настоящее.

Для творческого ума будущее – не хронометраж истории и не апгрейд событий, но пришествие в мир иного. Стратегическое планирование существенно отличается от оперативного: доминанта первого – контекст, результативность второго – текст. Тактические и стратегические цели порою противоречат друг другу, рефери тут – горизонт планирования. Будущее не есть продолжение прошлого, соприкасаясь с настоящим и отрицая прошлое, оно проращивает множество экзотичных семян. Как результат – с привычным порядком вещей происходят метаморфозы, конструктивные и деструктивные.

Жизнь – процесс, предполагающий, но не гарантирующий нечаянную встречу: соприкосновение с иным, перманентную модификацию, повышение ставок. Ускорения и неопределенности, запутанность социального времени обращают будущие ландшафты в кипучий Клондайк, перспективную нишу, где невоплощенная до времени явь обретает земных протагонистов, стимулируя потенциал и реализуя превосходство венчурных персонажей над сложившимися организмами и обстоятельствами. Ситуация отчасти напоминает бывшее состязание небольших подвижных особей с медлительными гигантами... Критические условия, сталкивая разноформатные структуры/принципы организации, ускоряют время и повышают риски. Трансформация мира нелинейна по природе и драматична по содержанию – по сути это не продвижение куда-то, а напряженное, несбалансированное изменение чего-то, взаимодействие с хаосом, мутация, преображение. При этом «все разумное действительно» расширяется до «невероятное возможно».

Есть, однако, психологическая проблема. Будучи асимметричным и скачкообразным, преодолевая инволюции и рекурентности, процесс перемен реализуется не обязательно в жесткой хронологической последовательности – по крайней мере, не для всей планеты и популяции. Футур-история способна

расщепляться на автономные локусы и разновекторные маршруты. Хроники глобального сообщества имеют пространственное выражение, мир не без химеричности: Амазония и Силиконовая долина расположены на одной планете. Причем со-бытиё разнородных социальных организмов в едином хронотопе, расширяя спектр рисков/возможностей, стимулирует не только коэволюционные инстинкты, продуктивные резонансы, технологическое развитие, но также цивилизационную коррупцию. Прошлое может быть не менее переменчивым и наступательным – мы склонны осмыслять новизну, пребывая в атмосфере ветхих эманаций, формулируя концепты по сделанным при других обстоятельствах лекалам. Тут могут возникать серьезные абберрации: предполагая созидать будущее, можно вопреки намерениям отстраивать очередную версию прошлого.

Мы учимся не для того, чтобы знать, но чтобы понимать и действовать. Рассуждения об архитектуре будущего – в рамках разговора о переменных – лет двадцать-тридцать тому были в России практической озадаченностью. Сейчас ситуация изменилась. Что же касается «мировой системы», ее предельный рубеж – грядущая сингулярность: новый формат личности и среды обитания (антропо-социоценоза), предопределенные усложнением взаимодействий, их диверсификацией, дополненным статусом реальности.

Предчувствие будущего

Наш век уже не является обычной революционной эпохой; мы вступаем в новую фазу метаморфоз истории.

Мир на пороге трансформации более драматичной по своим историческим и человеческим последствиям, чем даже те, которые были порождены французской или большевистской революциями.

Збигнев Бжезинский

Мир и Россия переживают кризис перехода, который на данном этапе стимулируется двумя факторами: во-первых, реальностью глобального массового общества, получившего доступ к достижениям современной цивилизации, а, во-вторых, революцией элит как класса и как личностей.

Мироустройство, сложившееся в эпоху Модернити, существенно меняется. Трансформируется система международных отношений, перераспределяются и делегируются суверенитеты, расширяется номенклатура внешнеполитических организмов, все чаще проявляется результативная субъектность играющих по своим правилам слабо-формализованных персонажей. Национальное государство утрачивает былую исключительность, сужается его возможность властного управления человеческими траекториями, сохраняя вместе с тем качества и блага суверенного правового сообщества.

В борьбе за будущее состязаются инновационные формы внешнеполитической организации: мировые регулирующие органы, страны-системы, различного рода субсидиарные автономии, государства-корпорации и корпорации-государства, государства-организации, квазисуверенные государства, сепаратистские образования, экономические интегрии и политические ассоциации, влиятельные антропо-социальные сообщества – власть вне государственности: подвижные архипелаги, конституирующие de facto новый тип политорганизмов и систему

мировых связей. Растут дисперсность мироустройства и трансграничная мобильность, мировой рынок обретает черты особого миропорядка, усложняется элитный зонтик как регулятор власти.

Происходит интенсификация новизны, скорость изменений сама по себе становится существенным фактором. Генеральный тренд – движение от систематизированного индустриально-информационного пейзажа к холмистому ландшафту креативного общества. Императивом века оказывается не наличие традиционных ресурсов, но технологическое и антропологическое продвижение, экономики ранжируются скорее в соответствии с индексом их сложности, а не в категориях ВВП и подобных нейтрально-количественных индикаторов состояния. Обновляется инструментарий цивилизации, прежние технологии пробуксовывают как не вполне отвечающие действительности, происходит смещение прогресса с сугубо научно-технического вектора развития *via* информационная волна (нейросеть) на социо-антропологический. Камертон актуальной повестки: сложный человек в сложном мире – акцент переносится на венчурные личностные коалиции вместо безличных бюрократизированных организаций и на творческие, нейро-физические потенции плюс нелинейный образ реальности.

Сегодня мы наблюдаем, наверное, апогей массового общества – его глобальную манифестацию: трансформацию в подвижную совокупность индивидов, получивших прямой доступ к эффективным конструктивным/деструктивным инструментам, включая высокотехнологичные, и потому влиятельную («весна политического пробуждения»). Параллельно разворачивается революция элит, пришествие личностного общества, сочетающего во все более экзотичные деятельные молекулы управленцев и креаторов. В мире утверждается в качестве доминанты влиятельный персонаж – *manterpriser*, человек-предприятие, в числе оных Илон Маск¹, Уоррен Баффет, Майкл Блумберг, Амансио Ортега Гаона, Ма Юнь, Ли Кашин, Мукеш Амбани, Азим Премжи, Карлос Слим, Ричард Брэнсон, Джон Полсон, Ларри Пейдж, Сергей Брин, Билл Гейтс, Марк Цукерберг, Рид Хоффман, Питер Тиль, Шон Горли, Стивен Бэннон и им подобные. Россия, фактически, состязается сегодня не с США, Европой или Китаем, а с обобщенным «Илоном Маском», но, кажется, это не вполне очевидно.

Что такое победа Дональда Трампа? Это пример персонализации нелинейной новизны, прямого действия влиятельных персонажей, технологической и производственной перезагрузки, внимания к возможностям сложных систем, политической и стилистической революции (хорошо темперированная версия

¹ Примером сегодняшних возможностей воздействия на социальную и техническую среду обитания частных корпораций может послужить космическая корпорация SpaceX (Space Exploration Technologies Corp.), принадлежащая Илону Маску. В ноябре 2016 года она подала заявку в Федеральную комиссию по связи США на создание орбитальной спутниковой сети для глобальной цифровой коммуникации. Компания собирается запустить 4 425 спутников, инвестировав совместно с Alphabet's Google Inc и Fidelity Investments не менее 10 млрд. долл. В результате реализации, проекта полагают в SpaceX, жители Земли смогут пользоваться беспроводным спутниковым интернетом на скорости до одного гигабита в секунду. «Эта система предназначена для предоставления широкого спектра услуг широкополосной связи и коммуникаций для индивидуальных, коммерческих, институциональных, правительственных и профессиональных пользователей во всем мире», - говорится в представленной документации. Аналогичные спутниковые интернет-сети находятся в стадии разработки частной OneWeb и Boeing Co. URL: <http://uk.reuters.com/article/us-space-spacex-idUKKBN13C085>.

«американской весны»), яркий и резкий симптом перемен – в данном случае кризиса истеблишмента США в том виде, в каком он существовал. Brexit – аналогичное, по сути, знамение социального транзита, кризиса архитектоники и бюрократической машины, но уже Европейского Союза.

Китай также ощутил ветер перемен и по-своему осознает императивы новой эпохи. Нынешнее руководство провозгласило программу построения гармоничного, креативного общества с высокими доходами, взяв курс на его реализацию к 2030 году.² КНР постепенно выдвигается и во внешний мир, обустроивает транспортно-логистические/ресурсные плацдармы в Африке, формирует ШОС в Евразии. ШОС – организация, служащая, судя по всему, инструментом программы внешних инвестиций (как трансгрессия фазы торговой экспансии) для реализации в первую очередь китайских инфраструктурных проектов: в последнее время для обустройства «Нового шелкового пути», его железнодорожных артерий, соединивших страну с 18-тью европейскими странами, транзитных порталов, мультимодальных логистических центров. И параллельно – стратегически важных континентальных трубопроводов (китайцы по понятным причинам с недоверием относятся к морским маршрутам снабжения). Но сегодня Китай задумывается также о серьезном преобразовании систем управления, о формате власти и стратегии обновления в меняющейся реальности.

В конце 2015 года медиагруппой Caixin (财新传媒) близкой к нынешнему китайскому руководству была опубликована примечательная статья «Реформа структуры, реформирующей систему, является самой важной» о трех уровнях реформирования: технологическом, системном и структурном (интересно, что именно в Китае об этом зашла речь).

Суть примерно такова. Настоящее реформирование, имеющее целью результативную адаптацию к непростому, быстро меняющемуся миру – это не модернизация инструментов и технологий, и даже не перемены в правилах игры. Прежде всего – это изменение генеральной структуры, которая осуществляет управление, т.е. трансформация контуров власти, иницирующей, проектирующей и воплощающей реформы, как основного инструмента достижения цели. Китайцы осознают значение перемен в практике, реализовав ритмично работающую систему смены высшего руководства. При этом они экономны/инерционны и не особо стремятся создавать чрезмерно оригинальный продукт, «менять лыжню», предпочитая брать на рынке идей, проектов, технологий то, что представляется в данный момент наиболее эффективным (хотя и это может измениться).

Выбранный на глобальном рынке продукт затем переосмысливается и адаптируется под национальную специфику: раньше это был марксистский протокол, сегодня Пекин присматривается к американскому опыту, т.е. к гибкой и сбалансированной структуре власти, созданной отцами-основателями США.³

² Доклад Всемирного банка и Центра исследований развития Госсовета КНР: «China 2030: Building a Modern. Harmonious and Creative High Income Society». Conference Edition. – Washington. 2012.

³ Вот ключевая на данную тему сентенция из статьи: «Структурная трансформация системы является первоочередной задачей. Если имеется превосходная структурная организация системного уровня,

Операции с будущим

Мировой дух творит историю, пользуясь частными интересами.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Новизна обладает серьезными конкурентными преимуществами, которые нередко осложнены высоким уровнем риска. Рынок версий будущего, предлагая маршруты, оперирует расчетами и предположениями. Для прогнозирования действий в ситуации неопределенности критически важно различать признаки становления иного, отыскивая зерна потенциально перспективных ситуаций и отраслей, прорастающие в современности. Секрет прозорливости, таким образом, – в текущем узреть настоящее, которое есть будущее в шелухе прошлого. Востребованной оказывается способность опознавать в ранге Нового света дискретно распределенный, неочевидный, неосвоенный ландшафт, что напоминает уникальную компетенцию Вия, способного в мире живых видеть недоступное рядовым призракам. Но сложности прогностики этим не ограничиваются.

Факт выше суждения, а тенденция выше факта: умение выделять из обыденного перспективное необходимо для воплощения запланированного, однако зазор между мыслительной венчурностью и подвижной действительностью – гнездо иллюзий и клубок проблем. Интервенции иного в повседневность сопровождаются аномалиями, усложняя логику решений и обременяя логику «предприятия на полном ходу» (Герберт Уэллс), отлаживая и совершенствуя при этом алгоритмы продвижения и защиты. Не случайно возможная реальность обладает особой коннотацией с привкусом неожиданности, возможности фазового перехода – *грядущее*; мы существуем в расщелине между перепрочтениями настоящего настоящего.

Невзирая на сопутствующие риски, искусство распоряжения будущим имеет долгую историю. Банки не одно столетие занимаются процентной и долговой колонизацией будущего, а финансовые корпорации продолжают экспериментировать с производными финансовыми инструментами, эксплуатируя время как пространство возможностей и вероятностей. Риски неизвестности, между тем, это не только обременение. При грамотном управлении они практически неистощимый ресурс: страховые предприятия давно освоили мастерство конвертации неприятных сюрпризов в прибыль и теперь тестируют венчурные методы управления ими. А социальный транзит побуждает размышлять о комплексном страховании национальных и региональных рисков.

Операции с будущим присущи, конечно, не только инвестиционной, банковской или страховой деятельности. Сегодня речь, фактически, идет о системной организации перемен в соответствии с той или иной прописью политического обустройства, социальной семантикой, культурными и инфраструктурными стандартами, образом

хорошая система будет произведена. А хорошая система будет порождать передовые технологии. Я думаю, именно поэтому Вашингтон, Джефферсон, Франклин и другие отцы-основатели Соединенных Штатов почитались последующими поколениями. Они создали превосходную структуру для системы». «Caixin: The Founding Fathers of the United States Created a Superior Structure for the System» URL: <http://chinascope.org/main/content/view/7640/106/>. Китайский оригинал статьи - URL: <http://opinion.caixin.com/2015-12-31/100894693.html>.

жизни, характером потребления, условиями капиталовложений и кредитования. При освоении зыбких земель реализуются стратегии, которые воспроизводят, развивают и распространяют вовне заложенные в той или иной культуре содержание, ценности и целеполагание. Модель самореализации и экспансии культурно-исторического типа – это система ключевых концептов и практик, испытанных временем предпочтений и шаблонов, политических, экономических, культурных алгоритмов, «золотых легенд» и утопий, конкурирующих подобно дизайнерским пакетам глобальных корпораций. Фрагменты забытых, неопознанных культур с альтернативной генетикой соперничают в этом полифоничном социокосмосе как с уже прописанными в истории, так и с новыми персонажами, что заметно усложняет эмерджентную картографию цивилизации.

Борьба за будущее, расширение среды обитания культурно-исторического генома – своего рода поступательное «терраформирование» (футур-формирование) и своеобразный франчайзинг будущего: экспансия культурного оверсайта, капитализирующего сумму протекций, взаимосвязей и других отношений. Пакетный подход к освоению подвижных ландшафтов усложняет и развивает футур-дизайн, воплощаемый в конкурентном поле социоформатов и бизнес-протоколов. Делегируя при этом региональному мастер-франчайзи матрицы клонирования с определенными привилегиями и оговорками.⁴ Зарождающиеся культуры также реплицируют себя, влияя на траектории вселенского пула, воспроизводя собственные оригинальные механизмы при одновременной трансляции совокупности льгот и ограничений на языки иных социокультурных ареалов, т.е. по-своему франшизируя мир.

Будущее проектируется в местах, где сплетены нервы мира, транслирующие перенастройку земных судеб. Оттуда инновационная инфлюэнца распространяется по планете, обретается партнерами, соучаствующими в производстве, но не иницирующими его; потребителями, которые усваивают прописанную им версию; и, наконец, соприкасается с теми, кого история вытесняет на пепелище, отчуждая от будущего. Агентство 2thinknow Innovation Centre Cities регулярно публикует рейтинг (global index) инновационного потенциала городов планеты – источников маршрутов и лекал будущего, подразделяя их на 5 классов: *сплетения* (nexus), *хабы* (hub), *узлы* (nod), *продвинутые* (advanced), *стартапы* (upstarter). В сущности, это классификация городов по степени их проникновения в грядущее и обратного влияния на мир. Последний по времени индекс так представляет десятку лидеров: Лондон, Сан-Франциско/Сан-Хосе, Вена, Бостон, Сеул, Нью-Йорк, Амстердам, Сингапур, Париж, Токио.⁵

Сталкиваясь с конкуренцией умело аранжированных композиций, спонтанное проникновение в будущее оказывается затруднительным. Время становится базовым стратегическим ресурсом, начинает перераспределяться, овеществляться, доминировать над сжимающимся (эффект развития физических/виртуальных коммуникаций) пространством, повышая свой социальный вес и обретая сложную геометрию.

⁴ Подробнее см.: А.И. Неклесса. Франчайзинг будущего. – Buybrand Inform. 2016. №6, С. 68-69.

⁵ Innovation Cities™ Index 2015: Global. URL: <http://www.innovation-cities.com/innovation-cities-index-2015-global/9609>.

Война, которая не-война

Война стала роскошью, которую могут себе позволить лишь малые нации.

Ханна Арендт

Системы разной степени сложности подчиняются несовпадающим законам, политическая, экономическая, военная теория/практика индустриального толка сейчас активно корректируются. В черновиках повседневности прописываются строки, весьма отличные от стереотипов, рождаются нетривиальные комбинации событий, структуры повседневности предстают в непривычном виде.

Возьмем, к примеру, внешнюю политику Вашингтона, развивавшуюся в русле доктрины Обамы. Америка вплотную приблизилась к базовой ресурсной независимости, определяемой энергоресурсами (по крайней мере, в рамках континента), что стимулирует снижение военно-полицейской активности. Особенно, когда та или иная заморская ситуация не представляет непосредственной угрозы национальной безопасности США. 44-ый американский президент на первое место в списке угроз ставил универсальную климатическую проблему, другие нестроения в экологии, затем в этом реестре шли терроризм/джихадизм/ИГИЛ, а также КНДР вкупе с иными азиатско-тихоокеанские нестроениями и озадаченность будущностью Китая. Сирия же, Ирак, Афганистан, Украина расценивались, скорее, как избыточные обременения, военного вовлечения в которые Белый дом хотел бы избежать, резко сокращая численность уже вовлеченных войск и отходя от практики интервенций.⁶ В результате, несмотря на разрастание списка горячих точек, военный бюджет Соединенных Штатов за годы президентства Барака Обамы сократился на более чем 100 млрд. долл., что, конечно, создало свои проблемы.

Впечатляет нынешняя популярность китайских исторических и военных трактатов, в которых постулируется, что воевать на поле боя – дело неудачников в политике и стратегии, а сугубо милитаристское целеполагание, связанное с обретением территориального контроля, рассматривается как обуза, выкачивающая ресурсы и ограничивающая свободу действий. Происходит переосмысление оккупации как социокультурной реконструкции и, как результат – уклонение от физического овладения территорией, прямого боевого столкновения. Примером территориально-властного мышления стала Крымская операция, спланированная и реализованная в геополитических категориях, в то время как международно-правовая, геоэкономическая, геокультурная проблематика, другие отложенные следствия остались на периферии внимания, осложняя каждый последующий шаг. Клаузевиц, кстати, хорошо понимал, что в войне речь идет, главным образом, о радикальной кризисной реконструкции, в своей основе это проецирование воли, имеющее целью установление иного порядка.

Состояние мира между тем порождает сомнения: имеет ли перспективу политика универсальной пассивации? Что если семьдесят послевоенных лет окажутся – при всех коллизиях, включая холодную войну, – своеобразной большой паузой, антрактом перед очередным зигзагом истории? Действительно, в последнее

⁶ Niall Ferguson. Barack Obama's Revolution in Foreign Policy. – The Atlantic. 2016. March 13. <http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/03/obama-doctrine-revolution/473481/>.

время военная тема обретает второе дыхание, вот только ее характеристики претерпевают заметную модификацию.

По своей сути война – разрушительное усилие, сумма действий, решительно опровергающих сложившиеся обстоятельства, институализация механики борьбы, защиты и агрессии. Однако военная машина – это мощь, способная воздействовать на обстоятельства, не только извергая огонь и железо, но и отбрасывая влиятельную тень. В постсовременной среде меняется сам язык войны, растет значение мастерства в создании ситуаций «превосходящих возможности анализа, прогнозирования, выработки правильных решений и их реализации» противником.⁷ Стремление к нанесению разрушений и потерь замещается захватом стратегической инициативы, фрустрацией противника, его моральным сокрушением, организацией замешательства в кругу лиц принимающих решения, подавлением воли и подведением к принятию критически неверных решений.

Война является искусством, сопряженным с широким спектром возможностей и рисков. Нынешнее умножение возможностей создает пугающее разнообразие рисков, модифицируя и усложняя характер войсковых, иррегулярных и небоевых военных операций. Об усложнении композиций военного искусства свидетельствует развитие профессионального языка. В военную теорию проникают такие понятия, как «проактивность», «неопределенность», «комплексность». Речь идет об активной разведке будущего, тенденциях его поступательного контроля и деятельного освоения. Анализируются отдаленные и гипотетичные обстоятельства, выявляются мутации и аномалии, определяются пути преадаптации, средства купирования кризисов, которые еще не произошли. Сценарная проработка конфликтов в стилистике многозначности сопровождается превентивными акциями по искоренению опознанных угроз на стадии зачатия. Еще одна актуальная категория – преэмптивность, корень слова – «пустота», т.е. имеется в виду заполнение релевантных ниш, которые противник не видит.

Внимание уделяется опережающим разработкам, адаптации технологий, перетекающих в военную сферу из гражданской, включая информационные и высокие гуманитарные технологии – high hume. К процессу привлекаются различного рода частные предприятия, интеллектуальные корпорации, венчурные организмы, опознаются и апробируются средства господства, выходящие за рамки привычных боевых регламентов. Расширился диапазон пространств боестолкновений: к ареалам суши, моря, воздуха, космоса добавилось киберпространство, в процессе становления – социо-психологический домен. В числе направлений противоборства наряду с военным числятся дипломатическое, информационное, экономическое, технологическое (DIMET).

В сложившемся глобальном контексте технические средства решают задачи как цифрового обеспечения вооруженных сил (distributed common ground systems), так и универсального контроля над возникающими обстоятельствами и предполагаемыми ситуациями. Воплощается система распределенного множества «цифровых крепостей»: сообщества механизмов и технологий, формирующих перманентно

⁷ Подробнее см.: Win in a Complex World. The US Army Operating Concept 2020 – 2040 (TRADOC Pamphlet 525-3-1). 31 Oct. 2014.

обновляемые, обрабатываемые посредством нейросетей массивы данных, а также гибридных систем (дополненный интеллект), объединяющих возможности машины и человека. Горизонт процесса – универсальная транспарентность: глобальный физический мониторинг (planetary skin) вкупе с программированием взаимопроникающих виртуальных пространств (pervasive computing) – совокупность, лежащая в основе контроля над текущими событиями и активного представления будущего.

Работа интеллектуальных (активно-адаптивных) навигационных структур сопрягается с геопропространственной разведкой (geospatial intelligence) способной к широкому охвату целей и непрерывному их отслеживанию. Система включает совокупность информационных структур (global information grids), обеспечивающих комплексное наблюдение за почвой, атмосферой, промышленными выбросами, электропотреблением, геологическими и климатическими процессами, инженерными, технологическими, финансовыми, социальными, антропологическими ситуациями при помощи спутниковых и наземных систем наблюдения, включая данные радиочастотных идентификаторов и наноразмерных датчиков.

Еще один пункт актуальной повестки, влияющий на характер силовых акций и состояние гражданского мира – экспансия трансграничного терроризма, использующего преимущества распределенной организации и сетевого «управления дикостью» (*undernet*), что повышает его адаптивность и эволюционные возможности. Причем тему истишхади или ингимаси как антропологического оружия вряд ли следует рассматривать в качестве исключительно исламистского явления, корни феномена глубже, а перспективы шире.

Помимо неопределенной субъектности и прокси-конструкций это может быть, к примеру, атомизированный суицидальный терроризм, не имеющий прямого отношения ни к одной из идеологических или конфессиональных доктрин, будучи симптомом универсальной актуализации культуры смерти.⁸ Квази-ислам вероятно инициирует более опасные формы агрессии по отношению к современному обществу и цивилизации, колонизируя земли, где конфессиональные или социальные мотивы замещаются психологической доминантой.

Происходит искажение, деформация среды, уязвимой оказывается сама концептуалистика открытого общества, его суверенность, архитектура, весь обширный

⁸ «...<культура смерти> распространяется под действием мощных культурных, экономических и политических тенденций, отражающих определенную концепцию общества, где важнейшим критерием является успех. Рассматривая положение дел с этой точки зрения, можно, собственно говоря, назвать его войной сильных против бессильных; жизнь, требующая как можно больше доброты, любви и заботы, объявляется ненужной или рассматривается как невыносимое бремя и в конце концов так или иначе отвергается. Тот, кто своей болезнью, инвалидностью или просто фактом своего существования угрожает благоденствию либо жизненным привычкам более благополучных, оказывается врагом, от которого надо защищаться или которого надо уничтожать. Таким образом, возникает "заговор против жизни". Он не только втягивает отдельных людей в рамках их личных, семейных и общественных отношений, но идет гораздо дальше, обретает глобальный размах, расшатывая и разрушая отношения между народами и государствами» (см. Иоанн Павел II. *Evangelium Vitae*. Окружное послание о ценности и нерушимости человеческой жизни. 1995.03.25. URL: <http://www.fjp2.com/ru/john-paul-ii/online-library/encyclicals/126-evangelium-vitae>.

инструментарий современности. Расширение военной/паравоенной проблематики предполагает изменение взгляда на войну как централизованно планируемое и управляемое действо, указывает на важность различения тенденций социализации и персонализации, жертвенности и ярости, насилия и усилия, воплощаемых действием, словом, мыслью.

Феноменология активного действия, включая военные и паравоенные практики, преображается и переосмыляется. Дело не просто в распространении иррегулярного, дисперсного формата военных операций, комплексный мир интегрирует то, что ранее было дисциплинарно рассечено: война, экономика, культура, индивидуальное развитие и групповое взаимодействие сливаются в единый наднациональный континуум. Война обретает более широкий, нежели милитарный смысл, причем процесс можно толковать двояко: как силовую экспансию, т.е. широкое и устойчивое использование гражданских практик в качестве оружия (своего рода «небоевые военные операции»); или же как специфическую пасификацию, при которой военные действия, растворяясь в гражданских практиках, по-своему ослабляются, социализируются и гуманизируются. Проблема скорее в проецируемой позиции и удержании либо утрате морального императива.

Перманентная революция

Ощущение возможной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей.

Роберт Музиль

Глобальная трансформация, стартовавшая на исходе прошлого века, радикальным образом обновляет механизмы современной цивилизации: редактирует секулярные прописи Просвещения, меняет социополитические регламенты Модернити, переписывает реестры востребованных временем компетенций.

Кризис перехода пробуждает эволюционные стимулы и предъявляет эпохе динамичный горизонт. Планирование – причем не только маршрутизация больших организмов и на дальнюю дистанцию – становится все более сложным и гибким искусством, связанным со становлением многослойного неравновесного общества, пронизанного подвижными личностными молекулами и мутирующими социогенетическими цепочками: полицентричной среды с непростой суммой аномалий, возможностей, рисков. Целостность (гештальт) оказывается результатом изменчивого консенсуса взаимодействий, извилистого, но непрерывного продвижения к цели, ее постепенного постижения.⁹

Перемены в ментальности инициируются в числе прочих резонов конкуренцией исторических и цивилизационных платформ, ведущей к смещению осей мировидения и смущению сознания. Развитие как становление иной реальности концентрировано

⁹ «Вдали от равновесия когерентность поведения молекул в огромной степени возрастает. В равновесии молекула "видит" только своих непосредственных соседей и "общается" только с ними. Вдали же от равновесия каждая часть системы "видит" всю систему целиком. Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает». Илья Пригожин. Философия нестабильности. – Вопросы философии. 1991. №6. С.46-57.

проявляется в культурных/антропологических результатах. Если «будущее уже здесь, просто оно неравномерно распределено» (Уильям Гибсон), то люди в персональном статусе сегодня мигрируют – физически и виртуально – из обителей количественного индустриализма в неосуществленный до времени мир, где категория количества утрачивает былое значение, уступая первенство качеству среды и уникальности личности, что является одновременно и триггером, и критерием перемен (т.е. преобразование особей влечет эволюцию сообщества).

Примерный аналог данной ситуации – генетическая мутация в биологическом организме, когда на кромке перехода единичное событие как немотивированная закономерность в принципе способно преобразить и преобразовать систему. Социальный аналог данного алгоритма – формирование в теле политорганизма иного сообщества: контробщества, обладающего интеллектуальным и моральным превосходством, сопряженным с исторической амбицией. Дело, по-видимому, вот в чем: социосистема будучи сложна по самой своей антропологической природе, как любой био(социо)ценоз чревата взрывчатыми фазовыми переходами. Стратегирование в подобной среде не монологично и нормативно, но с неизбежностью диалогично и диалектично, причем с привкусом негативной диалектики. Реформы, чтобы выдержать испытание будущим, предполагают острый и полифоничный диспут-диалог, ведущийся при деятельном участии критического класса.

Успехи в развитии, являясь проникновением в неизведанные земли, сопряжены с прочтением актуального текста и пониманием контекста, наличием концептуальной разведки, механизмов самоорганизации и адаптивности, капитализацией неявного знания, вариабельностью сценариев, а не просто с целеполаганием, управлением и контролем. Речь, естественно, идет не только о хорошо освоенных методах и технологиях.

Мы все чаще оперируем понятием «сложность», но как бы не возникла аберрация в восприятии данной категории. Сложная антропологическая система – это не запутанный блужданиями в дурной бесконечности лабиринт и не свалка неразобранных проблем и событий, а весьма специфичная динамическая организация, управляемая за счет познания/признания непростых, неочевидных, алогичных закономерностей бытия. Ее отличительные свойства: фактор неопределенности, видовое разнообразие (закон Эшби), способность к обильному производству разноречивой информации, перманентному транзиту, самоусложнению и самоорганизации. (Протейную природу подобных структур недавно зримо продемонстрировали эксперименты с плазмой в космосе). Если сложность и предстает перед нами как хаос, то это беременный хаос, в подвижных очертаниях которого присутствует иной, нежели ранее известный порядок. Со времен Луи де Бройля, Гейзенберга, Шредингера, а затем Эдварда Лоренца, Ильи Пригожина, Бенуа Мандельбро проблематика неопределенности и комплексности, самоорганизации и запутанных связей стала одним из генеральных направлений исследований. Правда, возникает вопрос о соотношении реалий и метафор.

Будущее некоторым образом со-существует с настоящим и прошлым, выплескиваясь в наш мир из подспудных либо небесных глубин. Сегодня мы живем в потоке галопирующих перемен – эпигенеза с возрастанием аномальных ставок, даже

не бифуркаций, а полифуркаций, представляем же транзит как тот самый апгрейд: движение по согласованному маршруту из пункта А в некий конечный пункт Б. Иначе говоря, пребываем в ожидании результирующей стабильности, мыслимой на практике как статичность, т.е. в своих представлениях и предпочтениях склоняемся, фактически, к карнавализации застоя. Примерно так в СССР и представляли коммунизм, хотя сам Маркс все же определял его иначе: не как состояние, а как «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние». ¹⁰

Движение замещает пространственную организацию в качестве доминирующей силы актуальной социальной гравитации.

Перманентная контрреволюция

Мы не мыслители... Мы делаем вещи.
Мы не теоретизируем, мы создаем. Мы мастера на все руки.
Стивен Кинг

Мир сложнее представлений о нем, многое является иным, чем представляется – это презумпция жизни над идеей. XXI век рождает уходящие в неизвестность конструкции и сценарии, упрощение которых чревато синкопами и чувствительными коллизиями. Успех планирования связан не только с оптимальностью избранного маршрута, но также с акаузальным и ценностным статусом генеральной цели. Тут приходит на ум одно высказывание Андрея Колмогорова: «Не ищите там теорем. Их нет. Я ничего не умею выводить из исходных для этой теории уравнений Навье-Стокса. Мои результаты об их решениях не доказаны, а верны – что гораздо важнее всех доказательств»¹¹, – хотя на сегодняшний день это звучит, пожалуй, чересчур экзотично.

Интеллектуальное и моральное банкротство влекут поражение. Человеческий интеллект способен преодолевать инерцию мышления, тупики развития, шаблоны сознания, вскрывая неоднозначность того, что кажется простым и очевидным, постигая комплексный характер реальности, физической и социальной. Решение алогичной задачи подобно искусству подстригания английского газона, совмещенному

¹⁰ «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т.3, 1955. С.34). Марксизм в СССР декларировали и представляли весьма превратно. Например, под видом марксистского постулата бытовало воспеание труда («человек труда», «владыкой мира будет труд» и т.п.) при ясно сформулированном отношении основоположника (в той же цитированной выше «Немецкой идеологии») к данному предмету: «...коммунистическая революция <...> устраняет труд» (там же, С.70). Причем Маркс пояснял, что дело тут именно не в «освобождении труда», а в освобождении человека от труда: «Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить» (там же, С.192). «Если коммунизм хочет уничтожить как заботу бюргера, так и нужду пролетария, он ведь не сможет, само собой разумеется, сделать это, не уничтожив причину той или другой, т.е. не уничтожив труд» (там же, С.207). Футурология Маркса, его прозорливость, касавшаяся будущей проблематики, заметно превосходила не только качество его экономических штудий, но и феноменологию политологической/политической доктрины.

¹¹ В.И. Арнольд. Динамика, статистика и проективная геометрия полей Галуа. – М.: Изд. МЦНМО, 2005. – С.5. Ср. также это рассуждение Колмогорова с методологической экзотикой Рамануджана Сриниваса.

с эксцентричностью натуры: оно требует не только синтеза профессионального опыта и персонального мастерства, но также – подтверждения искренности в промышленности оснований и готовности к приговору в размышлениях о сущности естества.

Критически важно отличать актуальную повестку от ложной. Прежняя система пытается репрессивно контролировать, порою прямо подавлять самоорганизующуюся сложность, сжимать рассуждение, упрощать ситуацию. И когда, поддавшись давлению, новизна уплощается, эманации рассеиваются, координаты ломаются – трансформация прерывается, а прошлое оказывается активным, назойливым агентом перемен.

Практика в своих институциональных проявлениях, реализованном многообразии и полноте является зримым производным от состояния общества. Продвижение России в будущее, декларированное ранее в категориях утопизма, в последнее, но уже продолжительное время мыслилось как обустройство улучшенной версии настоящего. То есть в русле аморфно-позитивистских представлений о стабильности: апгрейда в стилистике индустриально-экономических реформ. Пример редукции целеполагания – сугубо экономистичный подход к исчислению развития, причем преимущественно на основе плоских показателей, наподобие ВВП. Однако страна не финансово-ориентированная корпорация, развитие нации не сводимо к экономике, да и хозяйственные достижения лишь к росту ВВП.

С российским ВВП вообще забавно, точнее, печально выходит. Люди при относительно небольших затратах, недавно публично анонсированных, извлекают из земли, что в ней находится (историческая дилемма «присвоение» vs. «производство»). Получается же, будто они это измыслили/изготовили, что лишний раз подтверждает – ВВП (тем более отягощенный определенной лукавостью ППС) несовершенный инструмент для оценки развития. Экономика высокого уровня, находящаяся на пике конкурентной пирамиды, *субъектная экономика*, определяется, прежде всего, качественными характеристиками, а не усередненно-количественными показателями. Она доминирует в производстве/экспорте высокотехнологичной продукции, чревата инновациями, открывающими/закрывающими технологиями, мультипликативными эффектами, включая социальные вплоть до экспансии того же универсального франчайзинга. Это продукт сообщества с заметно иным аттрактором, мира, адаптированного к сложноорганизованной деятельности, обладающего актуализированным человеческим, интеллектуальным, культурным капиталом, впечатляющим технологическим, профессиональным разнообразием, динамичным личным и социальным творчеством, соответствующей инфраструктурой.

Все же не экономика сама по себе есть главная цель развития. Экономика – манифестация конструктивной энергии общества (а в своей трофейной ипостаси – и деструктивной). Оставаясь инструментом, она отражает концепцию, а также уровень власти над природой и житейскими обстоятельствами; между тем в нынешних ее метаморфозах виден генеральный вектор перемен – ключевая роль нематериальных активов, особенно человеческих и культурных. А вот тут у России как раз проблема.

Экономическое развитие – составная часть культурной революции. Транзит от индустриализма *modernity* к нелинейной действительности происходит на наших глазах, но не в РФ. Страна, как и ряд других сообществ, оказалась в полосе отчуждения

от вызовов постсовременности и, судя по всему, пребывает в интеллектуальной и социальной растерянности. Альтиметрические российские элиты ощутили оскомину от непростого искусства поведения и управления в комплексной среде: они, в целом, не обладают необходимым уровнем культуры/образования, альтруистическими или иными отчетливыми моральными качествами, их карьерные траектории сложились во многом волею обстоятельств, а не профессионального мастерства. Аморализм и короткий, оперативно-тактический горизонт планирования сами по себе чреваты негативными следствиями: постиндустриальной контрреволюцией, тягой к упрощению обстоятельств, деградацией культурного капитала, профанацией и утратой идеалов.

Сейчас отношения, как правило, превалируют над содержанием, а доминирующими ценностями становятся денежный доход и авторитетная чиновничья позиция. В подобных обстоятельствах, пребывая в геделевской ловушке, потенциальный субъект перемен будет в той или иной степени имитировать, а не эмитировать будущее, поскольку на деле он стремится удержать (а по мере возможностей и улучшить) ситуацию, сопряженную с преимуществами собственной позиции, фактически продлевая status quo. Сегодня даже те, кто в российской политике пытаются заниматься реформами, находятся в этой ловушке.

Так или иначе, это состояние будет преодолеваться, практически все ситуации транзитны. Вопрос, как правило, не в том, имеется ли решение, вопрос в его цене, характере и последствиях. Пока же Россия очарована политической логикой и методами XIX – первой половины XX века. Но воевать «против кого-то» – ментальность рефлекторного типа, в то время как настоящая проблема – проникновение в будущее и его эффективное освоение.

Время все чаще стимулирует относиться к сложившимся обстоятельствам как транзитной категории.

Реконструкция России

Будущее состояние вещи уже начинает существовать в настоящем, и состояния противоположные суть следствия одно другого неминуемые.
Александр Радищев

Страна – это не территория и не государство, которое есть механизм управления. Это совокупность людей, т.е. нация, «сообщество людей, которые через единую судьбу обретают единый характер» (Отто Бауэр), res publica.

Первоочередная задача государства – обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности сообщества, обустройство среды, соответствующей вызовам времени, отлаживание механизмов, стимулирующих развитие, удержание зла, защита внутренней и внешней безопасности граждан. Судьбоносные реформы (созидание будущего) могут реализовываться усилиями гражданского общества, элит либо авторитарной власти, способных осуществить системную реконструкцию власти, смену стратегии и госаппарата. При этом, однако, критически важна совокупная воля к

успеху и переменам – полнота национального консенсуса, умело сопряженного с ценностями общества и целями страны, а не интересами отдельных групп.

Реконструкция России так или иначе неизбежна. Есть логика больших систем, можно что-то приблизить или отсрочить, но избежать нельзя. Сейчас прошла рябь кадровых изменений. Грядет волна, связанная со спецификой очередных преобразований, которые выберут к добру или худу. На что следовало бы обратить внимание? Назову несколько позиций, относящихся к внутривластной сфере.

Первое и, возможно, основное – кризис системы власти: неконкурентоспособность в динамичном, многослойном мире ригидных структур и охранительных механизмов, основанных на механистичных представлениях, авторитаризме и патернализме (хотя Россия и предрасположена к патернализму в силу своей культурной неформальности). Путь к грамотной реструктуризации – осознание актуального контекста перемен: доминирования будущего над прошлым, изменившегося статуса личности, особенностей гражданства в новой редакции реальности, архитектуры страны как сообщества и мира как суммы полифоничных взаимодействий, значения национальной идентичности, ценностных основ и подлинных целей России. Ключевое условие успеха и долг национальной элиты – создание умной прописи этой важнейшей трансформации. От качества исполнения задачи, от того как промыслен, прописан и функционирует общественный договор, кем и по какой процедуре реализуется управление/продвижение в будущее – зависит возводятся ли здания на скале или же на песке.

Императивной задачей и непростой проблемой является реформа госаппарата при отсутствии стимула к ауторегенерации, нацеленная – пока и насколько это возможно – на декриминализацию, обретение профессионализма и компетенций, адекватных времени и обстоятельствам. Равно как необходимость сопряжения российского соборного разнообразия с кодами практики, порождающей сложные (sophisticated) ситуации, уникальные инструменты, оригинальные продукты, опережающие услуги и квалификации. Основа эффективных социоструктур – человек как сложноорганизованная личность, его культурный, интеллектуальный, метафизический, духовный кругозор, способность к замещению социального отчуждения диалектическим взаимодействием, синергичной эволюцией. Основным национальным капиталом является не совокупность собранных территорий, а качество людей, населяющих страну, образно говоря, не площадь неба, но сумма звезд.

О ревизии генеральной структуры управления упоминалось выше, эта проблема многоаспектна, включая региональный и этно-национальный аспекты. Необходимо устранять барьеры, препятствующие синектике и самоорганизации, стимулируя социальные а не коррупционные инстинкты. Гражданское общество должно не просто контролировать государство, но доминировать над ним. Формула успеха – самосознание и самостояние людей, сохранение ценности и целостности личной жизни, естественность перехода персональной позиции и творчества в социализированный результат, в противном случае траектория человеческих усилий, отношений и суммарных проявлений перенаправляется в сферу деструктивных практик.

Русская геоэкономическая/геокультурная доминанта амбивалентна, ее козырь – креативность в широком смысле: идеи, инакости, открытия, инсайты, образы, импульсы, мемы... В новом мире субстанция творчества – востребованный продукт, однако и своеобразный джокер, идеи правят миром сами по себе. Будучи фрустрированной, русская социокультурная суперпозиция не просто принижает статус земных изделий и формальных долженствований, но начинает производить версии нигилизма.

Более чем актуальна для Российской Федерации проблема опошления бытия и невежества – инволюция культурного и этического стандарта, моральная коррупция, умножение личностных деформаций, симулякров, тяга к демонстрационным эффектам, утрата смыслов, вытеснение подлинности.¹² Общество нуждается в моральной, интеллектуальной и культурной реабилитации, реституции человеческих качеств. В калейдоскопичной вселенной ценности являются ядром социокультурной гравитации – энергии, определяющей связность и притягательность сообществ, а целостность – результатом продвижения к цели, ее перманентного постижения.¹³

Культура – не только литература, живопись, музыка или театр. Предметное поле намного шире, если обойтись одним словом – это цивилизованность. Именно ее следует удерживать, предъявлять, утверждать, транслировать, для чего необходимо преодолевать невежество и ничтожество, восстанавливая интегративность, отдавая должное этосу чести, пафосу благородства, в том числе используя соответствующую риторику (вместо нынешнего унижения речи), прозревая и осуществляя будущее сквозь пелену времени и паутину конъюнктуры. Нынешнее диссонирующее, не обладающее нравственной и социокультурной легитимацией расслоение, сопровождаемое деградацией «среднего класса» и разложением интеллигенции, плоско-декоративный характер культурных клише при дефиците реальных держателей планки, редуцируют профессиональные компетенции и разрушают человеческое достоинство, коррумпируют личность и стимулируют аномизацию.

Не менее критичная сфера – хай-тек и особенно хай-хьюм. В России ощутим гуманитарный провал, кризис личностного состояния и профессионального роста, примат социальной коммуникации над профессиональной медитацией, объяснительный (vs. исследовательский) уклон, дефицит навыков рафинированного дискурса, философичности, интеллектуальной среды соответствующего класса. Публицистичность различного толка замещает дисциплинированное рассуждение, а некомпетентная метафоричность искажает категориальный аппарат. Столкновение же поверхностных концептов и упрощенных рецептов с реальностью чревато – с почти фатальной неизбежностью – серьезными негативными следствиями.

¹² «...вещи сами по себе не пошлы; но одноимённые им содержания, воспринимаемые и разумеемые людьми, могут быть совершенно пошлыми. Пошлость вносится в мир духовно-скудными и религиозно-мёртвыми людьми. Для того чтобы она появилась, нужен чей-нибудь субъективный, человеческий, духовно-немогущий, религиозно-мёртвый акт, который, обращаясь к непошлому предмету, видел бы в нем и разумел бы в нем пошлое содержание». И.А. Ильин. «Аксиомы религиозного опыта» (1953). URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/255>.

¹³ Фридрих Вильгельм III (дед российского царя-реформатора Александра II), затеявая после поражения в войне с Францией большие прусские реформы, следующим образом сформулировал свое credo: «Государство должно заместить духовной силой то, что оно потеряло в физической».

Необходимо отстраивать систему перманентного образования, имея целью не просто освобождение от невежества, но формирование интеллектуально и морально развитой, высокоорганизованной и самоорганизующейся личности, способной плодотворно существовать в сложном мире. Умение опознавать невидимые миру горизонты в значительной мере определяется культурой мышления, привычкой субъекта к самостоятельной позиции, деятельной рефлексии и диалектичному анализу ситуаций.

Требуется глубокая модификация здравоохранения, реконструкция нынешней страховой системы, приоритетное финансирование медицинской инфраструктуры (к примеру, за счет профессионального спорта). Причем под здравоохранением я понимаю не просто медицину как таковую, сколько критичность категории здоровья, целостность физического и эмоционального статуса, проблему российской врачебной этики и квалификации, компенсацию высокого уровня стресса у населения.

Еще одна актуальная тема – отсутствие в стране профессиональных механизмов долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования, неразличимость вероятного, а не желаемого образа будущего, императив его активного представления, формирования комплексной и реалистичной «дорожной карты» – модели национального обустройства и продвижения в динамичной среде.

Отдельным пунктом я бы обратил внимание на состояние российской судебной системы и особенно – судейского корпуса...

Вряд ли в одном рассуждении можно подробно перечислить и обосновать все необходимое для коррекции нынешнего положения вещей, разве что указать на отдельные пульсирующие точки. Кризис перехода между тем напоминает ситуацию «витязя на распутье», когда заминка с выбором направления сама по себе является своеобразным выбором.

Ключевые слова: *будущее, прогнозирование, сложность, трансформация, постсовременность, Россия.*

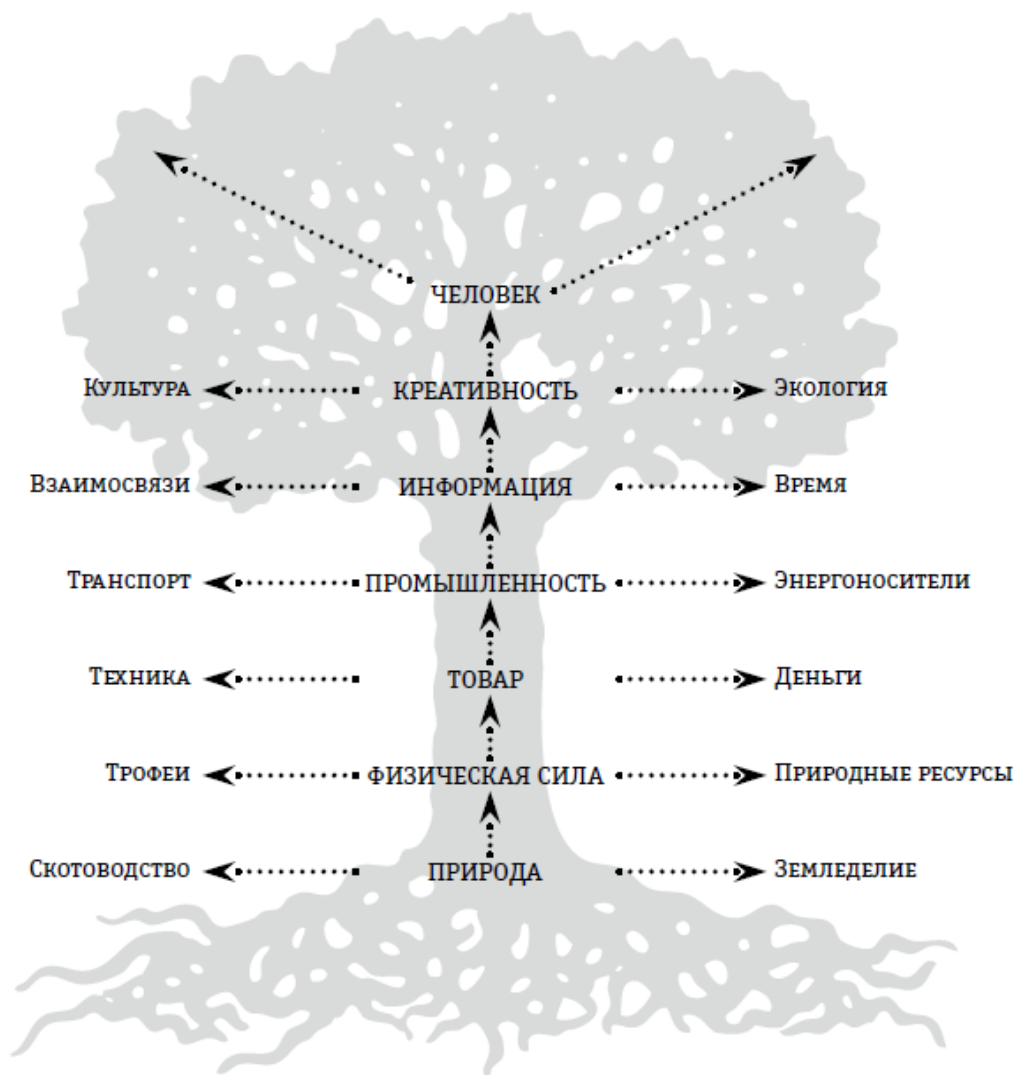
Для цитирования: Неклесса А.И. 2016. Созидание будущего // Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. ИНТЕЛРОС. Вып. №5 (80) сентябрь-октябрь. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия – 24 с.

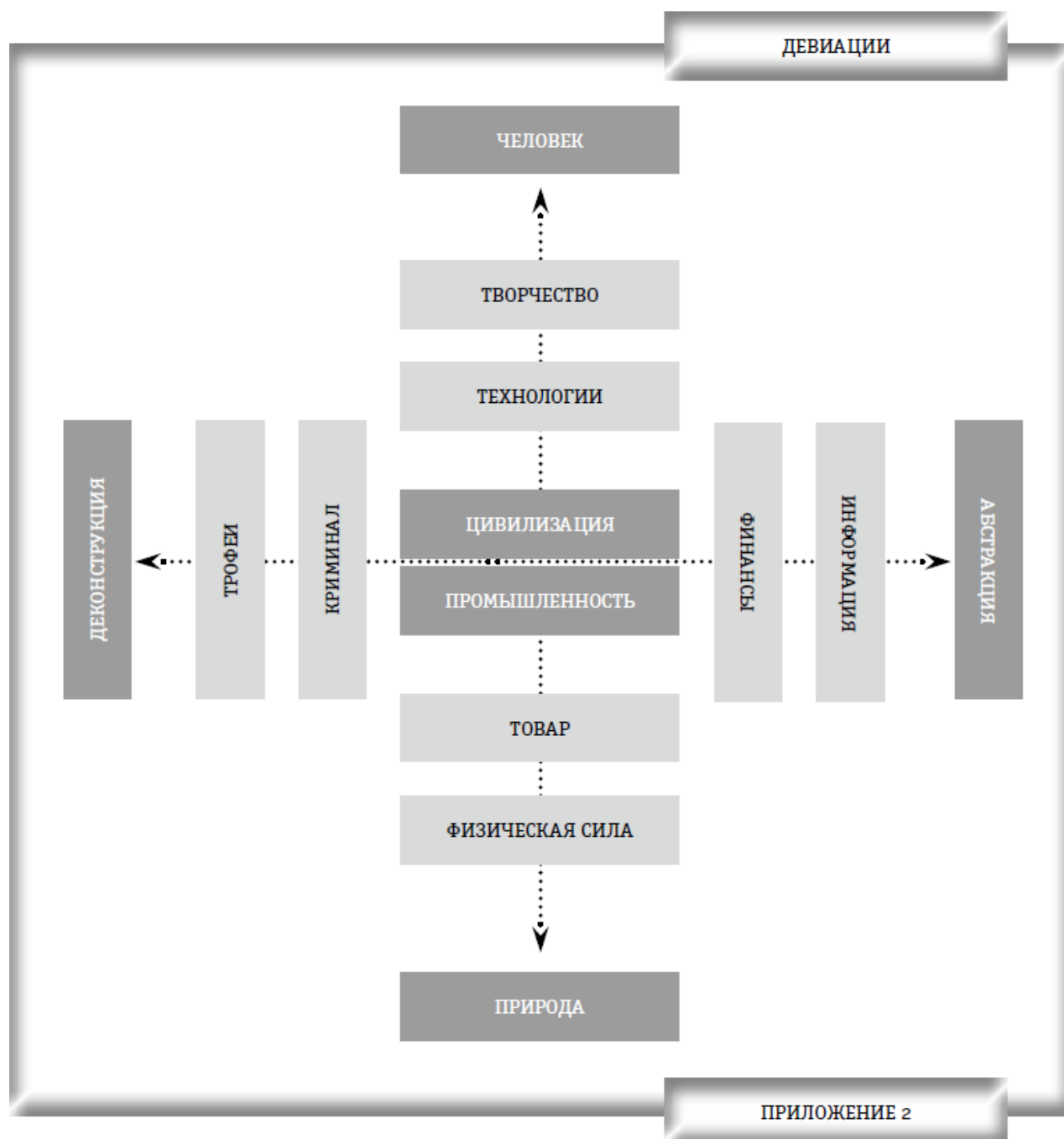
Адрес для корреспонденции: Александр Неклесса, Лаборатория «Север–Юг», Институт Африки РАН; Россия, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1; neklessa@intelros.ru,

Key words: *future, forecasting, complexity, transformation, preadaptation, post-modernity, Russia.*

For citation: Alexander Neklessa. 2016. Future-work // Bulletin of the Commision for Social & Cultural Problems of Globalization under Presidium of Russian Academy of Science. INTELROS. #5 (80), September-October. – Moscow: INTELROS–Intellectual Russia. – 24 pp.

Address: 123001, Laboratory North-South, Institute for African Studies, Spiridonovka 30/1, Moscow, Russia.

Бюллетени Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, вышедшие в 2016 году:

- Гибридный мир и сирийская комбинаторика. XXI столетие может стать временем перманентной войны // Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. ИНТЕЛПРОС. Вып. №1 (76) январь-февраль. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия, 2016.
- Смысл слов. Государство, безопасность, война, вооруженные силы – все эти понятия отстают от реальности // Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. ИНТЕЛПРОС. Вып. №2 (77) март-апрель. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия, 2016.
- Война в сложном мире. Деструкция и порядок // Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. ИНТЕЛПРОС. Вып. №3 (78) май-июнь. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия, 2016.
- Нервы мира // Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. ИНТЕЛПРОС. Вып. №4 (79) июль-август. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия.

В 2016 году версии рабочих материалов публиковались также в журналах «Стратегии России», «Полис», «Восток», «Метафизика» etc. и в «Независимой газете»:

- Созидание будущего. – Стратегия России. 2016. №12.
- Война в сложном мире. Деструкция и порядок. – Стратегия России. 2016. №10.
- Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и черных лебедях над Донбассом. – Стратегия России. 2016. №8.
- Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и черных лебедях над Донбассом. – Стратегия России. 2016. №7.
- Смысл слов: государство, безопасность, война и вооруженные силы. – Стратегия России. 2016. №6.
- Русская идентичность. Дорога жизни. – Стратегия России. 2016. №1.
- Небесный Вавилон. Гибридный мир и сирийская комбинаторика. – Полис. Политические исследования. 2016. № 3.
- Культиваторы будущего. – Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2.
- Знание и наука. – Метафизика. Научный журнал. 2016, № 2 (20).
- Франчайзинг будущего. – Buybrand Inform. 2016 (ежегодное издание),
- Война и постсовременность: пространство комплексных операций (ИГИЛ-сирийская комбинаторика). – Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016, № 4.
- Нервы мира. Пространства комплексных операций. – Специальное издание Петербургского международного экономического форума («Росконгресс»). Июнь 2016.

- Созидание будущего. Сложный человек в сложном мире: интенсификация новизны. // Независимая газета. Идеи и люди. 18.10.2016.
- Будущее как усилие. Сегодня главная проблема развития России – нематериальные активы, особенно человеческие и культурные. // Независимая газета. Идеи и люди. 05.10.2016.
- Вселенная горизонтов. Приближение к неизвестному расширяет спектр представлений о будущем. // Независимая газета. Идеи и люди. 22.06.2016.
- Смысл слов. Государство, безопасность, война, вооруженные силы – все эти понятия отстают от реальности // Независимая газета. Идеи и люди. 16.03.2016.

ПЛАН СЕМИНАРОВ «НЕКСУС» (ИНТЕЛПРОС–2016)

- *СЛОЖНОСТЬ*. Сложный человек в сложном мире – *январь*.
- *СИНГУЛЯРНОСТЬ*. Инакость. Rite of Passage – *февраль*.
- *ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ*. Общество программ – *март*.
- *ТРАНСФИНИТНАЯ ЭКОНОМИКА* (числовой ряд как ЦБ, криптовалюты, идеология блока транзакций, n-мерные деривативы, универсальное страхование, неотчуждаемые активы) – *апрель*.
- *СУММА ЗНАНИЙ*. Тетраматрица знания, новые образы знания (органистическое, неотчуждаемое, нерациональное, личное) – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*.
- *ФОРМЫ СОЗНАНИЯ*. Разнообразие видов интеллекта, эволюция сознания, человеческие качества – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*.
- *ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА*. Эволюция сознания, Неординарные и искусственные способности, уникальные компетенции, психофизическое, химическое и генетическое модулирование – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*.
- *ПРОГНОЗИРОВАНИЕ* и его актуальные формы (форсайт, букмекер-прогнозирование, транзакционное, генетическое, эволюционное, тетраматричное, эмерджентное как «возникающее свойство») – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*.
- *ОСНОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ/ПАЙДЕЙЯ (ЛИК)*: форматы образования и развития, типология элит (личность/интеллект/культура) – *сентябрь*.
- *МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ-ДЕЙСТВИЯ-УПРАВЛЕНИЯ* (с акцентом на методы косвенного управления); матричное, рефлексивное, точечное, рефлкторное, SOC, синергичное управление, неклассический оператор (переход от поведенческих аттракторов к ценностным) – *октябрь*.
- *МИР КАК СУММА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ*. Soft state, liquid state, post-state, геоэкономический атлас, антропо-социальные структуры (видовое разнообразие, смена социоценоза) – *ноябрь*.
- *ПОСТСОВРЕМЕННАЯ/ГИБРИДНАЯ ВОЙНА* в понимании: иррегулярная, распределенная, холодная, комплексная, сложная, синкретичная, универсальная, десекулярная, персональная, метафизическая. Агрессия, защита, усмирение. Усилие и насилие – *декабрь*.

И 975. Бюллетень выпускается в формате журнала «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» (совместное издание). Свидетельство о регистрации СМИ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ №77-18303. Усл. печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,75. 18.11.2016.

PERSONALIA

Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН), член Научного совета по религиозно-социальным исследованиям Отделения общественных наук РАН. Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF), член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии», редколлегии журнала «Актуальные проблемы экономики и права».

Со-руководитель семинара «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН, Лаборатория «Север – Юг»). Руководитель междисциплинарного семинара «Нексус» (ИНТЕЛПРОС – Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации РАН). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, являлся членом аналитической группы Совета Обороны РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее»/FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор приблизительно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1996), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), СОФИЯ (2003-2012), КАМЕЛОТ (2004), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдейя (2010-2014), ГИБРИДНЫЙ МИР (2015-2016), ИНТЕЛПРОС (2003-2016).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития (геоэкономика-геокультура-геоантропология); методология анализа и управления в ситуациях неопределенности; философия истории.

<http://intelros.ru>

neklessa@intelros.ru